

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать
детективные истории
о Ниро Вулфе.
Он органично вошел
в нашу жизнь...
Как Шерлок Холмс...

*New York Times
Book Review*

· ВСЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НИРО ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Черные
орхидеи

Рекс Тодхантер Стаут

Черные орхидеи

Серия «Ниро Вульф», книга 10

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60139668

*Черные орхидеи: романы, повести : Иностранка, Азбука-Амтикус; М.,
2020*

ISBN 978-5-389-18667-5

Аннотация

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

Два дела Ниро Вулфа связаны с черными орхидеями. В первом он готов доказать невиновность цветовода, но в качестве гонорара просит все выращенные тем черные орхидеи, а во втором посылает их на похороны женщины, чье убийство расследует...

Содержание

Черные орхидеи	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	31
Глава 4	48
Глава 5	61
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Рекс Стаут

Черные орхидеи

BLACK ORCHIDS

Copyright © 1942 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown
UK and The Van Lear Agency

All rights reserved

© А. Ю. Голосовская, перевод, 1991

© М. А. Гресько, перевод, 1991

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

* * *

Я не знаю, сколько предположений было высказано в прошлом году в барах и за обеденными столами о том, как Ниро Вулф получил черные орхидеи. Я видел три разных в печати: одно в воскресном выпуске «Санди» прошлым летом, одно в колонке сплетен нью-йоркских таблоидов пару месяцев назад и одно в рассылке ассоциации прессы, когда черные орхидеи неожиданно появились на похоронах в Белфордской часовне.

Итак, здесь описаны два дела Ниро Вулфа, в которые были вовлечены совершенно разные люди. Первый рассказ о том, как Вулф получил черные орхидеи, второй – о том, как он раскрыл еще одно убийство. Однако во втором не все для меня ясно, и это не дает мне покоя. Может, кто-то и знает Вулфа лучше, чем я, однако подождите с выводами, пока не прочитаете второй рассказ.

Арчи Гудвин

Черные орхидеи

Глава 1

Понедельник – на выставке цветов. Вторник – на выставке цветов. Среда – на выставке цветов. И это я, Арчи Гудвин. Ну что это такое?

Я не отрицаю – цветы приятны, но миллион цветов во все не в миллион раз приятнее одного-единственного цветка. Вот устрицы – вкусная штука, но кому же придет в голову съесть содержимое целого бочонка?

Я не особенно возмущался, когда Ниро Вулф послал меня туда в понедельник после обеда. Отчасти я ожидал этого. После шумихи, поднятой вокруг выставки воскресными газетами, было ясно, что кому-то из наших домочадцев придется пойти взглянуть на эти орхидеи. А раз Фрица Бреннера нельзя надолго отделить от кухни, Теодор Хорстман слишком занят в оранжерее, а сам Вулф мог бы трудиться в физической лаборатории в качестве покойщегося тела, если бы вдруг наш детективный бизнес загнулся, то было похоже, что выбор падет на меня. Он и пал.

Когда в понедельник в шесть часов вечера Вулф спустился из оранжереи и вошел в кабинет, я отпрапортовал:

– Я видел их. Украсть образец было невозможно.

– Я и не просил тебя об этом, – хрюкнул он, опуская себя в кресло.

– Никто и не говорит, что просили, просто вы ждали, что я сделаю это. Их три. Они в стеклянном контейнере, а рядом как приклеенный торчит охранник.

– Какого они цвета?

– Они не черные.

– Черные цветы никогда не бывают черными. Какого они цвета?

– Ну... – Я задумался. – Представьте себе кусок угля. Не антрацит. Кеннельский уголь¹.

– Он черный.

– Минутку. Полейте его темной патокой. Да, так будет похоже.

– Пф! Ты даже примерно не можешь представить, какой это получится цвет. И я не могу.

– Что ж, пойду куплю кусок угля, и мы попробуем.

– Нет. А губа² такая же?

– Патока поверх угля, – кивнул я. – Губа крупная, но мельче, чем у aurea, примерно как у truffautiana. Чашелистики ланцетные. Зев цветка с оранжевым...

– Никаких признаков увядания?

– Нет.

¹ Плотный, сильно матовый каменный уголь с большим содержанием водорода.

² Губа, или лабеллум (от лат. labella) – нижний лепесток посередине цветка, напоминающий по форме губу; бывает увеличенным или уменьшенным.

– Завтра отправляйся туда снова и посмотри, не вянут ли лепестки по краям. Ты знаешь, что такое типичное увядание после опыления. Я хочу знать, опыляли их или нет.

Вот так я оказался там снова во вторник после ланча. Тем же вечером, в шесть часов, я прибавил несколько деталей к моему описанию и доложил, что признаков увядания нет.

Я уселся за свой стол напротив Вулфа и уставился на него холодным взглядом:

– Не будете ли вы так добры объяснить мне, почему женщины, которые ходят на цветочные выставки, все на один манер. По крайней мере, на девяносто процентов. Особенно если посмотреть на ноги. Это что, правило? А может, никому из них никогда не дарили цветов, они потому и ходят – поглядеть? Или, может...

– Замолчи! Не знаю. Завтра опять иди туда и ищи признаки увядания.

Видя, как он мрачнеет с каждым часом, и все из-за трех жалких орхидей, я понимал, что Вулф дошел до ручки. И я снова отправился туда в среду и попал домой почти в семь вечера. Войдя в кабинет, я увидел, что Вулф сидит за своим столом с двумя пустыми пивными бутылками на подносе и наливает в стакан из третьей.

– Ты заблудился? – осведомился он.

Я не стал обижаться, понимая, что Вулф и не думал шутить. Он действительно не в силах был представить, как можно добраться от угла Тридцать пятой улицы и Десятой авеню

до угла Сорок четвертой улицы и Лексингтон-авеню и вернуться обратно, ни у кого не спрашивая дорогу. Я сообщил, что никаких признаков увядания не обнаружил. Сев за свой стол, я просмотрел почту, потом поднял на него глаза:

– Я подумываю жениться.

Его полуопущенные веки не шевельнулись, но я заметил, что взгляд обратился на меня.

– Мы могли бы поговорить откровенно, – продолжал я. – Я прожил в этом доме больше десяти лет, писал за вас письма, защищал вас от телесных повреждений, следил, чтобы вы не спали постоянно, снашивал покрышки вашего автомобиля и собственные ботинки. Рано или поздно одна из моих угроз жениться должна была оказаться не просто шуткой. И откуда вам знать, как обстоит дело на этот раз?

Он издевательски хмыкнул и поднял стакан.

– Ладно, – сказал я. – Вы достаточно хороший психолог, чтобы понимать, что означает, когда мужчине постоянно хочется говорить о какой-нибудь девушке. Предпочтительнее, конечно, с кем-нибудь, кто проявляет внимание. Вы можете себе представить, что это значит, если я хочу говорить о ней даже с вами. Важнее всего, что сегодня я видел, как она мыла ноги.

Он поставил стакан на место:

– Значит, ты ходил в кино. Сегодня. Это было...

– Нет, сэр, вовсе не в кино. Во плоти. Вы когда-нибудь бывали на выставке цветов? – (Вулф закрыл глаза и вздох-

нул.) – Так или иначе, вы ведь, конечно, видели плакаты с этих выставок и знаете, что миллионеры и крупные фирмы всегда придумывают что-нибудь этакое. Вроде японского сада, или сада камней, или пикардийских роз. В этом году «Ракер и Дилл» – они специализируются на семенах и рассаде – превзошли всех: устроили прямо-таки уголок природы. Кусты, опавшие листья, зеленая трава, полно полевых цветов и прочей ерунды, несколько деревьев с белыми цветами и маленький ручей с прудом и камнями. Причем эта полянка обитаемая: мужчина и девушка устраивают пикник. Они там весь день, с одиннадцати до половины седьмого и с восьми до десяти вечера. Собирают цветы. Устраивают пикник. Сидят на траве и читают. Играют в ножички. А в четыре мужчина ложится вздремнуть и закрывает лицо газетой. В это время девушка снимает чулки и туфли и опускает ноги в воду. Тут уж за веревочным ограждением собирается толпа. Лицо и фигура у девушки прелестные, но ноги – прямо произведение искусства. Разумеется, она старается не замочить юбку, а вода быстро бежит по камням. Говоря как художник...

– Пф! – хмыкнул Вулф. – Ты не смог бы нарисовать даже...

– Я не сказал «рисуя как художник», я сказал «говоря как художник». Я знаю, о чем говорю. О слиянии линий в гармоничную композицию. Это на меня действует. Я люблю изучать...

– У нее длинноваты икры.

Я посмотрел на него с удивлением. Он ткнул пальцем в газету на столе:

– Вот ее снимок в «Пост». Ее зовут Энн Трейси. Она стенографистка у «Ракер и Дилл» в конторе. Ее любимое блюдо – черничный пирог с мороженым.

– Она не стенографистка! – Я вскочил. – Она секретарь! Секретарь У. Дж. Дилла! – Я нашел страницу в «Пост». – У нее чертовски ответственная работа! Допускаю, икры выглядят здесь чуть длинноватыми, но это просто плохое фото. Неправильный ракурс. Во вчерашней «Таймс» получше, и статья...

– Я видел. Читал.

– Тогда вы должны представить, что я чувствую. – Я снова сел. – Мужчины забавны, – сказал я философски. – Пока девушка с таким лицом и фигурой просто жила со своими папой и мамой и записывала то, что диктует У. Дж. Дилл, похожий на лягушку, хотя он и президент Атлантического общества садоводов – он был там сегодня, – кто знал ее и замечал? Но посадите ее в людное место, заставьте снять туфли и чулки и опустить ноги в искусственный пруд на третьем этаже Гранд-Сентрал-Палас – и что получится? Сам Билли Роуз³ является посмотреть на нее. Киношников приходится силком выгонять с полянки. Фотографы отпихивают друг друга. Льюис Хьюитт приглашает ее обедать.

³ Билли Роуз (1899–1966) – знаменитый американский импресарио, легенда шоу-бизнеса.

– Хьюитт? – Вулф открыл глаза и хмуро посмотрел на меня. – Льюис Хьюитт?

Я знал, что от этого имени у него пиво вспенится в животе. Льюис Хьюитт – тот самый миллионер, в чьем поместье на Лонг-Айленде вырастили черные орхидеи, породившие в Вулфе такие пароксизмы зависти, каких в его прежних ребячествах мне не приходилось наблюдать.

– Ага, – весело произнес я, – сам Лью в пальто, которое стоит двести долларов, в фетровой шляпе и перчатках из кожи молодой газели, вскормленной медом и молоком, и с тростью, по сравнению с которой ваша лучшая – не более чем кусок старой рыболовной удочки. Я видел, как Энн выходила с ним меньше часа назад, перед тем как уехал. К ее левому плечу была приколотая черная орхидея! Вероятно, он сам ее срезал. Она первая женщина, удостоившаяся чести носить черную орхидею. А всего лишь на прошлой неделе она своими прелестными пальчиками печатала на машинке: «Ваше письмо от девятого числа получено...» – Я усмехнулся. – Этому Лью надо бы запастись дихлофосом. Там ведь полно мужчин, которые не в состоянии отличить пестика от тычинки. Парень, что устраивает с ней пикник, глупо ухмыляется. Его зовут Гарри Гулд, он садовник у Дилла. Чудной старикан, которому не мешало бы побриться, глазеет на нее так, будто собирается молиться. Я видел его дважды. Благообразный молодой человек с большим подбородком прогуливается, делая вид, что не смотрит на нее. Его зовут Фред

Апдеграф. «Питомники Апдеграфа», Эри, штат Пенсильвания. Их экспозиция там неподалеку. И еще масса других, но главное – я. Ваш друг Лью будет соперничать со мной. Вчера Энн случайно улыбнулась мне, и я вспыхнул с головы до ног. Намерения у меня честные и вполне определенные. Посмотрите на эту фотографию, а теперь взгляните сюда. – Я поставил ногу на край стола и задрал штанину до колена. – Представьте, что я сниму ботинок и носок, и присовокупите ваши познания в перекрестном опылении. Какой бы мог получиться результат, если...

– Пф! – произнес Вулф. – Перестань царапать стол. Завтра пойдешь туда снова и будешь искать признаки увядания. Возвращайся к шести.

Но он не выдержал. На следующий день за ланчем его зависть и любопытство наконец вылились через край. Он оставил чашечку кофе с видом человека, готового ради Великого Дела перенести все трудности и испытания, и сказал мне:

– Приготовь седан, пожалуйста. Я поеду туда, чтобы взглянуть на все это безобразие.

Глава 2

Таким образом, в четверг я оказался на выставке цветов в четвертый раз. Народу было еще больше, чем в предыдущие дни, и я тащил Ниро Вулфа на четвертый этаж, где размещались орхидеи, как эсминец, прокладывающий дорогу линкору через минное поле. Пару раз нас останавливали знакомые, чтобы обменяться приветствиями. На третьем этаже, проходя мимо лесной полянки фирмы «Ракер и Дилл», Вулф остановился, чтобы посмотреть на нее. Зрители вокруг веревочного ограждения толпились в три ряда, Гарри и Энн играли в ножички. Когда где-то рядом сверкнула фотовспышка, Энн и глазом не моргнула.

– Взгляните на ее зубы, когда она улыбается, – сказал я, – взгляните на ее пышные волосы цвета патоки. Она держится увереннее, чем в первые дни. Год такой жизни испортит ее. Посмотрите на листья пионов: они желтеют и чахнут от тоски, ибо она пробудет с ними еще только день.

– Это не пионы. Это азалии и лавры, и желтеют они от болезни.

– Называйте это болезнью, если хотите. Они чахнут от тоски...

Вулф двинулся вперед, и я, пытаясь оказаться впереди него, чтобы прокладывать дорогу, чуть не сшиб с ног трех дам.

На четвертом этаже, не обращая внимания на другие орхидеи, хотя там были самые великолепные экземпляры В. Thorntoni, какие мне доводилось видеть, он сразу направился к стеклянному контейнеру. Табличка на нем гласила: «Безымянный гибрид мистера Льюиса Хьюитта. Только три экземпляра». Они, безусловно, представляли собой нечто особенное, я не видел ничего подобного ни на одной выставке, не говоря уже о двадцати тысячах орхидей самых разнообразных сортов в оранжерее Вулфа. Я пристроился в сторонке и стал наблюдать за лицом Вулфа. Он что-то бормотал себе под нос, потом застыл на расстоянии пяти дюймов от стекла. Его физиономия не выражала никаких эмоций, но мышца на шее подрагивала, выдавая, что все в нем кипит. За четверть часа он ни разу не шелохнулся, даже когда дамы толкали его, пытаясь протиснуться к орхидеям. Хотя, вообще-то, он терпеть не может, когда к нему прикасаются. Потом он отошел, и я решил, что с него хватит.

– Жарко здесь, – сказал он, снял пальто и отдал его мне.

– А-а, мистер Вулф, вы пришли! – сказал чей-то голос. – Это действительно честь для нас! Что вы о них скажете?

Это был Льюис Хьюитт. Вулф протянул ему руку. Шляпа, пальто и перчатки на Хьюитте были не те, что накануне, а трость в руке – та же: золотисто-желтая с красновато-коричневыми крапинками. Любой хороший оценщик с ходу определил бы ее стоимость в 830 долларов, не меньше. Хьюитт был достаточно высокого роста, чтобы смотреть на Вулфа

сверху вниз, с демократической улыбкой под аристократическим носом.

– Они интересные, – произнес Вулф.

Интересные. Ха-ха!

– Разве они не изумительны? – Хьюитт так и сиял. – Если выкрою время, достану вам одну, чтобы вы могли рассмотреть ее получше, но сейчас я иду наверх, на обсуждение роз, оно уже началось. Вы ведь еще побудете здесь? Буду признателен. Привет, Уэйд, я уже бегу.

Уэйдом он назвал коротышку, только что подошедшего к нам. Пока они с Вулфом обменивались приветствиями, я с интересом его рассматривал. Это был не кто иной, как У. Дж. Дилл собственной персоной, работодатель моей будущей жены. Во многом он был точной противоположностью Хьюитту: на Вулфа Дилл смотрел снизу вверх, его выдавший виды коричневый костюм явно соскучился по уюту, а колючие серые глаза, казалось, не умели улыбаться.

– Возможно, вы меня не помните, – сказал он Вулфу, – я был однажды у вас с Реймондом Пленом.

– Разумеется, мистер Дилл, я помню вас.

– Я только что видел Плена внизу, и он сообщил мне, что вы здесь. Я собирался звонить вам сегодня. Хотел узнать, не окажете ли вы мне услугу.

– Это зависит...

– Я сейчас объясню. Давайте отойдем в сторонку.

Они выбрались из толпы, и я последовал за ними.

– Знаете ли вы что-нибудь о пожелтении Куруме?

– Слышал об этом. – Вулф нахмурился. – Читал в журнале. Неизлечимая болезнь вечнозеленых широколистных. Считают, что это грибок. Впервые обнаружен на нескольких азалиях Куруме, которые Льюис Хьюитт вывез из Японии. Потом вы столкнулись с этим, и, полагаю, Уотсон из Массачусетса тоже. Апдеграф потерял целую плантацию, несколько акров растений, которые он называл родалиями.

– Вы и впрямь в курсе дела.

– Я помню то, что прочел.

– Вы видели мою экспозицию внизу?

– Взглянул, когда проходил. – Вулф скорчил гримасу. – Там толпа. Я пришел посмотреть на эти гибриды. У вас весьма красивый *Cypripedium pubescens*⁴. Весьма красивый.

– А видели вы лавры и азалии?

– Да. Они выглядят больными.

– Они действительно больны. Они погибают. Пожелтение Куруме. На нижней стороне листьев типичные коричневые пятна. Кто-то, без сомнения, заразил их. Я бы очень хотел знать кто. И я намерен выяснить это.

Вулф, казалось, сочувствовал. Он и на самом деле сочувствовал. Угроза рокового грибка сплачивает всех цветоводов.

– Очень жаль, что ваша экспозиция испорчена, – сказал

⁴ *Cypripedium pubescens* – башмачок пушистый – относится к семейству орхидных.

он. – Но почему вы предполагаете злой умысел?

– Это именно так.

– У вас есть доказательства?

– Нет. За этим я к вам и обращаюсь.

– Мой дорогой сэр, вы, как ребенок, сердитесь на камень, о который споткнулись. Болезнь завелась на вашем участке. Где-то в почве остались споры.

Дилл покачал головой:

– Болезнь была на моем участке в Лонг-Айленде, а эти растения прибыли из Нью-Джерси. Почва не могла быть заражена.

– С грибком возможно все, что угодно. Садовый инструмент, привезенный оттуда, или рукавицы...

– Не верю. – По голосу Дилла чувствовалось: его не переубедить. – Мы были так осторожны. Я не сомневаюсь: это сделано специально, с умыслом, чтобы погубить мои растения. И я хочу знать, кто это сделал. Я заплачу вам тысячу долларов, если вы мне поможете.

Вулф сбежал с корабля. Не физически, а, так сказать, ментально. Его лицо стало безмятежным и отсутствующим.

– Я не уверен, что смогу взяться за ваше поручение, мистер Дилл.

– Почему? Вы же детектив, ведь так? Разве это не ваша работа?

– Да, так.

– А это дело для детектива. Разве нет?

– Нет.

– Но почему?

– Потому что вы не стали бы пересекать континент, чтобы искупаться в Тихом океане. Усилия и плата непропорциональны. Вы говорите, у вас нет доказательств. Вы подозреваете кого-нибудь?

– Нет, но я абсолютно убежден...

Я вмешался, заявив Вулфу:

– Мне нужно идти на обсуждение брюссельской капусты, – и покинул их.

У меня действительно была определенная цель, но главное – мне хотелось смыться. Хотя благодаря паре прибыльных дел в начале года наш бюджет был в порядке на несколько месяцев вперед, я всегда злился, когда Вулф отказывался от предложений. И я не хотел давить на него прямо перед гибридами Хьюитта. Чтобы миновать толкучку, я отворил дверь с табличкой «Вход воспрещен» и спустился на один лестничный пролет. Эта часть была закрыта для публики. Я продрался сквозь джунгли из упаковочных ящиков, каких-то деревьев и кустов, оборудования для полива и тому подобных предметов. Прошел по коридору и свернул направо. Этот боковой коридор тянулся почти через все здание, но я знал: где-то посередине есть выход. Слева вдоль стены громоздились какие-то кадки, деревья, кустарники и что-то еще, чему не нашлось места на выставке. По правой стене – служебные двери с табличками, все запертые, вели в главный

зал, к самым экспозициям, но с тыла. Проходя мимо таблички «Ракер и Дилл», я послал ей воздушный поцелуй.

Через дверь дальше по коридору я попал в главный зал. Там стало еще теснее, чем полчаса назад, когда мы проходили здесь с Вулфом. Я пробрался прямо к импровизированной сцене, обнесенной веревочным ограждением, с табличками «Питомники Апдеграфа, Эри, Пенсильвания». Экспозиции с этой стороны представляли собой полуостровки, вдающиеся в главный зал, с проходами между ними до задней стены со служебными входами. Обогнув группу зрителей, я оказался рядом с низкорослым типом, который стоял возле веревок, хмурясь на всю эту зелень.

– Привет, Пит, – произнес я.

– Привет, – кивнул он.

Я познакомился с Питом во вторник, позавчера. Он мне не понравился. Очень даже не понравился. Из-за косящих глаз и шрама на носу он не выглядел заслуживающим доверия. Но вел он себя гостеприимно, и благодаря ему я быстро тут освоился.

– Ваши пионы симпатично выглядят, – заметил я, чтобы что-то сказать.

Слева от меня кто-то захихикал и сделал замечание, для моих ушей не предназначенное, но у меня хороший слух. Я обернулся и строго посмотрел на хихикающих. Это были будто сошедшие с карикатур Хелен Хокинсон⁵ две дамочки

⁵ Хелен Хокинсон (1893–1949) – известная американская карикатуристка. По-

из Бронксвилла.

– Да, мэм, пионы, – повторил я. – Вы знаете, что такое *Cymbidium miranda*? Нет? Я знал их еще в ту пору, когда пешком под стол ходил. А вы знаете, что такое *Phalaenopsis*?

– Нет, не знаю, но уверена, что вот это – рододендроны. Пионы! Пойдем, Элис!

И они двинулись прочь. Я посмотрел им вслед и опять повернулся к Питу:

– Простите, что разогнал ваших посетительниц, но не их дело, если я предпочитаю называть это пионами. Что вы там разглядываете? Ищете пожелтение Куруме?

Он дернул головой в мою сторону.

– А что такое с пожелтением Куруме? – требовательно спросил он.

– Ничего. Просто к слову пришлось. Я слышал, как Дилл рассказывал, что его полянка заражена. Интересно, распространяется ли это? Вам незачем смотреть на меня так. Я этой штукой не болею.

Его левый глаз моргнул, а правый – нет.

– Когда это Дилл говорил?

– Да вот только что.

– Так. Я подозревал. – Он вытянулся, насколько ему позволял рост, даже привстал на цыпочки, и стал оглядываться по сторонам. – Вы видели моего босса?

стоянные персонажи на ее рисунках – две дамы из Бронксвилла, очень дорогого и при этом богемного пригорода Нью-Йорка.

– Нет, я только что пришел.

Пит ринулся прочь. Похоже, я запустил какой-то процесс. Пит свернул налево, а я пошел направо, мимо розария и еще каких-то экспозиций, к «Ракеру и Диллу».

Толпа пока еще не набежала. Было только три пятнадцать дня, а до четырех они не станут вопить и наседать на веревки. В четыре Гарри приляжет отдохнуть, а Энн снимет туфли и чулки и опустит ноги в воду, чего определенно никогда еще не демонстрировалось ни на одной выставке цветов в мире. Я занял позицию позади двух не слишком высоких дам. Игра в ножички уже закончилась. Сейчас Гарри мастерил рогатку, а Энн вязала. То, над чем она трудилась, вряд ли могло мне пригодиться, но я интересовался не продукцией, а самой Энн, что естественно для влюбленного. Она сидела на траве и вязала, будто на целые мили вокруг не было ни души. Как актер, Гарри ей и в подметки не годился. Он не смотрел на зрителей и, уж конечно, молчал, коль скоро задумана была пантомима, но его движения и взгляды выдавали, что он ни на минуту не забывал о публике.

Разумеется, я ревновал, но он раздражал меня и без того. Он был примерно моих лет и мазал чем-то волосы, чтобы они блестели. Волосы у него были темные, как и глаза, и он то и дело самодовольно ухмылялся. А еще он был нахал. Одной из причин, по которой я выбрал для себя Энн, был случай во вторник: во время ланча он положил руку ей на плечо, а она отпрянула, что отнюдь не было похоже на при-

глашение повторить. Да и по другим признакам было ясно, что она решила сохранить свою невинность и чистоту для меня, хотя, конечно, пока она не могла знать, что это для меня, я ведь еще не имел шанса пообщаться с ней. Должен признаться: то, что она позволяет Хьюитту украшать ее орхидеями и кормить обедом, – горькая пилюля, но, в конце-то концов, я не мог ожидать, что она питается святым духом – с такими-то ногами.

Вдруг Гарри вскочил и завопил:

– Эй!

Это было первое слово, которое я от него услышал.

Все, включая меня, уставились на него.

– Эй, Апдеграф! – вопил Гарри. – Убирайтесь оттуда!

Это был тот самый босс, о котором спрашивал Пит, – Фред Апдеграф, здоровенный парень с огромным подбородком. В правом углу экспозиции он оседлал ограничительную веревку, отхватил садовыми ножницами веточку пиона, а может, лавра, подобрал ее и пошел прочь.

– Я об этом доложу! – вопил Гарри.

Толпа забулригла от негодования, и на секунду я подумал, что увижу суд Линча в качестве дополнительного развлечения на этой самой драматичной в истории выставке цветов. Однако дело ограничилось тем, что две женщины и один мужчина бросились вдогонку за Апдеграфом с какими-то увещеваниями, но он их проигнорировал. Хотите верьте, хотите нет, но Энн даже ни разу не взглянула в ту сторону и не

пропустила ни одной петли в своем вязании. Прирожденная актриса.

На моих часах было 15:25. До великой сцены еще больше получаса. Я не мог оставлять Вулфа так долго одного в незнакомом месте и с сожалением поплелся прочь. Возвращаясь прежней дорогой, я поискал глазами Пита, думая рассказать ему, как его босс был уличен в преступлении, но того нигде не было видно. Идя по коридору, чтобы сократить путь, я заметил там некую особу, которая не показалась мне типичной посетительницей цветочных выставок, да и к служебному персоналу явно не имела отношения. Она стояла возле двери с табличкой «Ракер и Дилл». Симпатичная маленькая штучка в сером пальто с беличьим воротником, купленном явно на Четырнадцатой улице, в маленькой голубой шляпке и с голубой кожаной сумочкой под мышкой. Когда я приблизился, она взглянула на меня с сомнением и неуверенно улыбнулась.

– Потерялась, сестренка? – поинтересовался я.

– Нет. – Она улыбнулась еще шире. – Жду кое-кого.

– Меня?

– Вовсе нет.

– Вот и хорошо. Еще неделю назад это мог быть я, а теперь я уже несвободен.

И я двинулся дальше.

Наверху я обнаружил Вулфа все еще в обществе У. Дж. Дилла. Видимо, вопрос о том, чтобы выследить негодея, по-

губившего экспозицию Дилла, был так или иначе решен, поскольку они спорили об инокуляции⁶ торфа и стерильных колбах для проращивания семян. Я присел на скамейку. Вскоре Дилл отбыл, а Вулф вернулся к стеклянному контейнеру и вновь погрузился в созерцание. Через несколько минут подошел Льюис Хьюитт с перекинутым через руку пальто. Озираясь по сторонам, будто что-то искал, он осведомился у Вулфа:

– Я не оставлял здесь трость?

– Я не видел. Арчи?

– Нет, сэр.

– Черт! – воскликнул Хьюитт. – Я повсюду оставляю свои трости, но эту мне не хотелось бы потерять. Ладно. Не желаете ли осмотреть поближе одну из моих красавиц?

– Охотно. Даже не осматривая, я с удовольствием купил бы одну.

– Не сомневаюсь, – хмыкнул Хьюитт. – На днях Плен предложил мне десять тысяч за одну штуку. – Он вынул из кармана ключ и склонился над контейнером. – Боюсь, меня сочтут скрягой, но я не могу отдать даже одну.

– Я не выращиваю цветы на продажу, я любитель, такой же, как и вы, – льстиво сказал Вулф.

– Знаю, – согласился Хьюитт, приподнимая один из горшков так осторожно, словно тот был сделан из звездного ве-

⁶ Введение в живой организм или в питательные среды какого-то инфицированного материала – по сути вакцинация, «прививка».

щества и ангельского дыхания. – Но, мой дорогой друг, я просто не способен расстаться хотя бы с одной.

Последовавшая за этим сцена причинила мне боль. Вулф сделался слащавым до тошноты, так что я вынужден был вернуться, чтобы не выдать своих чувств. Вулф льстил Хьюитту, поддакивал и улыбался, и каждую минуту я ждал, что он предложит смахнуть пыль с его ботинок. Но что всего хуже, Вулф явно не собирался никуда уходить. Хьюитт пустился разглагольствовать о семяпочках и пылевых трубочках, а Вулф изображал живейший интерес и, когда наконец Хьюитт предложил подарить ему парочку *C. hassellis*, благодарил его так, словно именно это и просил у Санта-Клауса, хотя у него самого было по меньшей мере два десятка экземпляров этих *C. hassellis*, не хуже, чем у Хьюитта, а то и лучше. В четверть пятого я начал закипать. Я испытывал сильное желание дать Вулфу хорошего пинка за то, что он ведет себя как олух, но еще мне не терпелось отвести его к лесной полянке и доказать, что он был не прав, когда сказал, что у моей нареченной слишком длинные икры. Всего пятнадцать минут оставалось до конца великой сцены, когда Энн должна была брызнуть водой на лицо своего партнера и разбудить его. Это всегда вызывало смех у публики.

Я несколько расслабился, когда мы наконец тронулись с места. В обычной ситуации Вулф заставил бы меня тащить горшки, но тут он предпочел нести их сам – по одному в каждой руке, чтобы показать Хьюитту, как высоко ценит его по-

дарок. Великий подхалим! Но худшее было впереди. Когда мы спустились по черной лестнице, я предложил двинуться прямо по коридору третьего этажа, и там, на полу у двери, ведущей к экспозиции Ракера и Дилла, я увидел предмет, который сразу опознал. Я остановился и сказал Хьюитту:

– Вот ваша трость.

Хьюитт тоже остановился, взглянул на нее и воскликнул:

– Силы небесные, как она сюда попала?!

И представляете, Вулф велел мне подобрать ее! Мне бы тут же, не сходя с места, подать в отставку, но не хотелось устраивать сцену в присутствии Хьюитта, так что я сдержался и поднял трость. Ручка была обвязана обрывком зеленого шнура, я стряхнул его и протянул трость Хьюитту ручкой вперед, подавив желание ткнуть его под ребра. Он демократично поблагодарил меня, и мы продолжили наш путь.

– Занятно, – произнес Хьюитт, – я определенно не оставлял ее здесь. Очень странно.

Тут перед нами открылась дверь, и из нее вышел мужчина. На двери висела табличка «Питомники Апдеграфа», а мужчина и был Фредом Апдеграфом, похитителем веточек. При виде нас он остановился и подождал, пока мы не пройдем мимо. Чуть дальше мы миновали еще две двери с табличками участников выставки, а потом я свернул к третьей, без таблички, повернул ручку и открыл ее.

– Куда это ты? – спросил Вулф.

– Наяда. Эпизод у пруда. Я подумал, вы могли бы...

– Вздор! Какой-то бедлам...

– На это и впрямь стоит посмотреть, – объявил Хьюитт. – Очаровательно, совершенно очаровательно. Действительно прелестна. Я тоже пойду.

Он направился к двери, которую я придерживал, и Вулф последовал за ним, как ординарец за полковником, с горшками в обеих руках. Это выглядело бы комично, если бы не было так противно. Я прошел вперед, чтобы не смотреть на него.

У лесной полянки зрители стояли за веревочным ограждением в пять или шесть рядов, даже там, где кусты, но мы все трое были достаточно высокого роста, чтобы все видеть. Энн разыгрывала шикарное представление: полоскала ноги в пруду, разбрызгивая воду. У нее были такие красивые колени! Я ею гордился. Гарри дремал на своем обычном месте, положив голову на кочку возле камней и кустов и прикрыв лицо газетой. Зрители переговаривались. Энн плеснула водой на купы цветов, свисающие над прудом, и сверкающие капли упали с лепестков.

– Очаровательно, – сказал Хьюитт.

– Прелестна, – согласился Вулф. – Арчи, не возьмешь ли ты у меня эти растения? Будь очень осторожен...

Притворяясь, будто не расслышал, я отодвинулся чуть вправо. Отчасти для того, чтобы проигнорировать Вулфа, я счел, что это будет ему полезно, но, кроме того, мне хотелось получше рассмотреть правую ногу Гарри. Нога была стран-

но вывернута, слишком неестественно для человека, делающего вид, что он спит. Я встал на цыпочки, чтобы взглянуть поверх голов и шляп, и решил, что либо ему жмет ботинок, либо он делает йоговское упражнение для ног, после чего обратил взор на Энн – она как раз взглянула на свои часы. Энн еще раз поболтала ногами в воде, потом вынула их из пруда и бросила озорной взгляд на своего партнера. Затем, сложив ладони чашечкой, зачерпнула воды и плеснула ему на рубашку. Публика завизжала от восторга.

Но Гарри не поддержал игру. Ему надлежало резко вско-
чить, моргнуть и выглядеть очумевшим, но он и не шелох-
нулся. Энн уставилась на него в изумлении. Кто-то крикнул:
– Облей-ка его еще раз!

У меня мелькнула мысль, что это, пожалуй, не смешно,
учитывая, что его нога так странно вывернута. Я протолкал-
ся вперед и перелез через веревки. Я уже двинулся по траве,
когда охранник и кто-то из зрителей закричали мне вслед,
но я подошел к Гарри и наклонился к нему. Охранник схва-
тил меня за руку:

– Эй, вы!..

– Заткнитесь! – Я стряхнул его руку, приподнял газету,
чтобы взглянуть на лицо Гарри, и сразу же вернул ее обрат-
но. Но успел уловить слабый запах, который, как мне пока-
залось, я опознал.

– Что такое? В чем дело? – раздался голос надо мной.

Так я в первый раз услышал голосок Энн, но не ответил

и не взглянул на нее, потому что увидел кое-что во мху, покрывавшем камень прямо за головой Гарри. Из-за кустарника и камней я не видел его макушки, поэтому протянул руку и пощупал ее. Кончик моего пальца попал прямо в дырочку и провалился вглубь, вроде того, как если ткнуть пальцем в теплый яблочный пирог. Я отвернулся, стал вытирать палец о траву и вдруг с ужасом осознал, что вот это белое перед моими глазами – босые ноги Энн. Я чуть было не испачкал их кровью.

Глава 3

Я встал и велел Энн:

– Наденьте чулки и туфли.

– Что...

– Делайте, что я говорю. – Я взял охранника за рукав и резко сказал: – Вызывайте копов!

По тому, как у него отвисла челюсть, я понял, что он слишком туп даже для такого простого дела, – без «Бесед у камина»⁷ не разберется. Я обернулся, чтобы позвать Хьюитта, но тут увидел Фреда Апдеграфа, который перелез через веревочное ограждение и теперь шел прямо к нам. Его взгляд был прикован к Энн, но, когда я задержал его и велел вызвать полицию, он, не проронив ни слова, развернулся и ушел. Голос Вулфа перекрыл шум толпы:

– Какого дьявола ты там делаешь?

Я пропустил его вопрос мимо ушей и, тоже повысив голос, обратился к присутствующим:

– Леди и джентльмены! На сегодня все. Мистера Гулда хватил удар. Если вы в здравом уме, то идите смотреть цветы. А если не в здравом или у вас зуд, стойте, где стоите, за

⁷ «Беседы у камина» – обобщенное название радиообращений президента США Франклина Рузвельта к американскому народу. В период с 1933 по 1944 г. состоялось 30 передач, в которых Рузвельт понятным языком освещал актуальные политические и экономические вопросы и пресекал слухи.

ограждением.

Слева сверкнула фотовспышка. В толпе раздалось сочувственное бормотание, но зрители оказались на сто процентов не в здравом уме. Справа какой-то парень с фотоаппаратом пролез под веревками, но тут уже в мозгу охранника наконец что-то щелкнуло, и он предпринял нужные действия. Я с удовольствием отметил, что Энн проявила смекалку. Она явно видела, от чего я оттирал пальцы, и, сидя на траве, второпях, но по-деловому обувалась.

– Арчи! – позвал Вулф своим самым грозным голосом.

Я знал, что его гложет. Он хотел, чтобы я вытащил его отсюда и отвез домой, он думал, что я выпендриваюсь, и знал, что я раздражен. Когда он снова меня позвал, я повернулся к нему спиной, чтобы поприветствовать представителя закона. Толстый фараон без шеи протиснулся через толпу и зашагал по траве. Я встал у него на пути возле ног Гарри.

– Что это с ним? – угрюмо спросил полицейский.

Я отодвинулся и дал ему подойти. Он приподнял газету за уголок и сдернул ее.

– Арчи! – взревел Вулф.

Кое-кто из зрителей успел увидеть лицо Гарри, и толпа заволновалась. Веревки натянулись под ее натиском, и туда устремился охранник. Энн была уже на ногах, и тут же Фред Апдеграф возник рядом.

– Черт возьми, он мертв! – сказал полицейский.

– Как видите, – подтвердил я. – Могу я чем-то помочь?

– Давайте.

Не скажу, что я уже понял, в чем дело, но кое-какие мысли появились. А к тому же я вовсе не хотел, чтобы Вулф надрывал легкие, поэтому я пошел туда, где стояли они с Хьюиттом, чуть поодаль от толпы.

– Перестаньте, – буркнул я ему.

– К черту это...

– Я говорю, перестаньте.

Я припустил к телефону у входа, расстался с пятицентовиком, набрал номер, сказал добавочный – 19, назвался и попросил к телефону инспектора Кремера.

– Чего тебе надо? – раздался его голос.

– Мне? Ничего. Обычная поденщина. Мы тут с Вулфом на выставке цветов...

– Я занят!

– Ага. Сейчас вы будете заняты еще больше. Экспозиция Ракера и Дилла, третий этаж, выставка цветов. Убийство. Выстрел в темечко. Лежит там на траве под охраной одного бугая с соответствующей шеей, который никогда не станет инспектором. Это все.

– Погоди минутку...

– Не могу. Я занят.

Я выскользнул из телефонной будки и, петляя в толпе, двинулся обратно. Толпа, окружавшая место происшествия, успела вырасти раза в два. Охранник с полицейским получили подкрепление. Энн и Фреда Апдеграфа нигде не было

видно, а Вулф и Хьюитт стояли с другой стороны розария, поближе к двери. С ними был и У. Дж. Дилл. Вулф свирепо взглянул на меня, когда я подошел. Руки его по-прежнему были заняты этими никчемными горшками, и от злости он, казалось, утратил дар речи.

– ...Я чувствую некоторую ответственность, – говорил между тем Хьюитт. – Как почетный председатель комитета. Не люблю уклоняться от ответственности, но что я могу сделать? Вы только посмотрите на них...

– Этот полицейский – идиот, – сказал Дилл. – Он не пускает меня к моей собственной экспозиции. И похоже, сломал мне плечо. – Поморщившись, он подвигал плечом вверх и вниз. – Есть здесь врач?

– Врач тут не поможет. Он мертв...

Они посмотрели на меня. Дилл перестал двигать плечом:

– Мертв?! Мертв!

Он бросился вперед и исчез в толпе.

– Вы говорили, его хватил удар. – Хьюитт осуждающе уставился на меня. – Как это – он мертв? От чего он умер?

– Оттого, что перестал дышать.

– Арчи, – произнес Вулф своим самым отвратительным тоном, – прекрати! Я уже час назад просил тебя взять эти растения. Возьми их и отвези меня домой.

– Да, сэр. – Я взял горшки. – Но я пока не могу уехать. Я ищу...

– Господи боже! – воскликнул Хьюитт. – Вот же несча-

стве... Бедный Дилл... Я должен увидеть... Извините... – И он прошествовал к главной лестнице.

В этот момент я увидел некий объект, который отчасти и ожидал увидеть. Краем глаза я заметил серое пальто с белым воротником, его обладательница явилась откуда-то с другой стороны и тут же растворилась в толпе. Поставив горшки на пол возле розария, я ринулся за ней, прежде чем Вулф успел хоть что-то сказать. Мне было все равно, если это его задело. Так ему и надо после его унижительного выступления перед Хьюиттом! Однако я все-таки оглянулся посмотреть, не метнул ли он в меня чем-нибудь. Его лицо было багрового цвета. Держу пари, он уже сбросил сегодня не меньше десяти фунтов.

Я обошел толпу и ввинтился в нее с другой стороны. Через минуту я увидел, как та девушка протискивается вперед. Я не хотел привлекать к себе внимание, поэтому непринужденно последовал за ней и скоро оказался прямо у нее за спиной. Голубую кожаную сумочку она держала под мышкой, прижимая ее правой рукой. Перекинув пальто Вулфа через свою правую руку, я под его прикрытием ухватился за край сумочки и легонько потянул. Сумочка поддалась, а ее хозяйка была так увлечена высматриванием чего-то или кого-то в толпе, что не заметила, как ее сумочка выскользнула у нее из-под руки и укрылась под пальто Вулфа. Я держал девушку в поле зрения, отступая назад и по дороге рассыпаясь в извинениях перед любителями цветов. Оказавшись наконец

вне поля зрения любопытных, я повернул к лестнице.

Желанное уединение я обрел за пять центов в мужском туалете на втором этаже, уселся там и открыл сумочку. На ней была монограмма «РЛ». Внутри, как обычно, носовой платок, пудреница, кошелек и прочая ерунда. Нашлось и то, ради чего я старался: ее имя и адрес, они были написаны на конверте: Мисс Роуз Лэшер, Морроу-стрит, 326, Нью-Йорк. Это совпадало с инициалами «РЛ» на сумке. Я переписал все в свой блокнот. Письмо было от какой-то Элли, которая объясняла, почему не вернула два доллара. Следующая находка превысила все мои ожидания. Это была аккуратно вырезанная из газеты сложенная записка с фотографией Энн и Гарри, играющих в ножички.

Я убрал все обратно в сумочку, опять поднялся на третий этаж, проложил себе путь в толпе, что оказалось непросто, и нашел Роуз Лэшер возле самого веревочного ограждения. Я положил руку ей на плечо. Она резко обернулась и сердито спросила:

– В чем дело?

– Все отлично, сестренка. Это я. А это ваша сумочка.

– Моя сумочка!

– Вы уронили ее, а я подобрал, рискуя жизнью и конечно-стями. Она ведь ваша?

– Разумеется, моя! – Она схватила сумочку.

– Ну так скажите спасибо.

Она пробормотала что-то невнятное и тем ограничилась.

Я взглянул на сцену. Актеров прибавилось. Две полицейские машины выгрузили четверых полицейских в форме, и те уже толклись на полянке. Один из них, стоя в ногах Гарри, наблюдал за врачом, который, опустившись на колени, прикладывал стетоскоп к мертвому телу. У. Дж. Дилл, руки в карманах, стоял рядом с этим полицейским и хмурился. Не было никаких признаков того, что кто-то интересуется мхом на камнях. Я отступил назад, никому не нанеся особого урона, и побродил вокруг розария, высматривая Вулфа.

Его не было.

Он пропал. Два горшка стояли на полу, а его нигде не было.

Чертов бегемот! – подумал я. Он заблудится. Его похитят. Он упадет в какую-нибудь яму. Или подхватит простуду.

Я снова спустился на второй этаж, зашел в мужской туалет и громко позвал его, стоя перед закрытыми кабинками. Безрезультатно. Я поднялся на четвертый этаж к стендам с орхидеями. Его не было и там. Я спустился на первый этаж к главному входу и вышел на Сорок шестую улицу, где была припаркована наша машина, но она была пуста. Пробиваясь сквозь мартовскую метель, я пшикнул на пролетающую мимо снежинку. Наш маленький Ниро, подумал я. В такой вечер на улице – и без пальто. Мешок с салом. Он у меня дождется. Было уже четверть шестого.

Я остановился и попробовал рассуждать логически. Он взял такси? Не может быть, ведь он ненавидит такси. Каково

было его самое горячее желание, когда я оставил его? Это просто: застрелить меня, сесть где-нибудь и выпить пива. Застрелить меня он не мог, потому что меня уже там не было. А где он мог найти стул, чтобы сесть?

Я вернулся, заплатил четыре монеты за вход, поднялся на один лестничный пролет и направился поперек основного потока посетителей к двери с табличкой «Офис» в углу зала. Вокруг стояли люди, и кто-то вцепился в мой рукав, когда я взялся за ручку двери. Я опознал его – это был тот самый чудной старикан, что в предыдущие дни издали глазел на Энн так, будто молился. Теперь он встревоженно глядел на меня из-под своей старой фетровой шляпы, а его пальцы, сжимавшие мой рукав, дрожали.

– Прошу вас, – сказал он, – если вы идете туда, не смогли бы вы передать это мисс Энн Трейси?

– Разве она здесь?

– Да, она пошла... Я видел, как она вошла...

Я взял у него сложенный листок бумаги и, пообещав передать это мисс Трейси, открыл дверь в приемную, где за столом сидела женщина с усталым лицом. Я неотразимо улыбнулся ей, чтобы она не возмущалась, развернул записку и прочел.

*Дорогая дочка,
надеюсь, ничего серьезного не случилось. Я здесь
рядом. Если могу чем-то помочь, сообщите.
Твой отец*

Написано было карандашом на дешевой бумаге. Я сложил записку, подумав, что прежде всего надо будет купить моему тестю новую шляпу.

– Вам что-то нужно? – скорбно и недоверчиво спросила женщина за столом.

Я сказал, что у меня записка для мисс Энн Трейси. Она открыла было рот, но потом решила, что это лишнее, и указала на одну из трех дверей. Я открыл ее и вошел. Первым, кого я там обнаружил, был Ниро Вулф. Стул под ним почти соответствовал размеру его сидалища. На столе перед ним стояли четыре бутылки с пивом, а в руке он держал стакан.

Логика непобедима!

Справа, лицом к нему, сидела Энн, а слева, опершись на стол, – Льюис Хьюитт. За другим столом быстро писал какой-то незнакомый тип. Еще один стоял у окна с Фредом Апдеграфом.

Вулф видел, как я вошел, но продолжал беседовать с Энн как ни в чем не бывало:

– ...По причине нервов, да. Однако прежде всего это зависит от содержания кислорода в крови. Самый замечательный пример самообладания я наблюдал в Албании в тысяча девятьсот пятнадцатом году. Его продемонстрировал осел. Я имею в виду четвероногого осла, который упал с обрыва...

Я встал прямо перед ним.

– Простите, – произнес я ледяным тоном. – Это вам, мисс Трейси. – И протянул записку.

Она взглянула на меня, потом на записку, взяла ее, развернула и прочла.

– О-о, – произнесла Энн и посмотрела по сторонам, а потом опять на меня. – Где же он?

– Там, снаружи.

– Но я... – Ее брови подскочили. – Не передадите ли вы ему... Нет... Я сама пойду.

Она встала и направилась к выходу из комнаты. Я шагнул, чтобы открыть дверь, и, увидев, что у Хьюитта такое же намерение, опередил его у самой цели. Однако в тот же миг в комнату ворвался мужчина, едва не сбив Энн с ног. Я опять оказался проворнее Хьюитта и поддержал ее под локоть.

– Виноват, – буркнул вошедший, быстро осмотрел помещение и уперся взглядом в Энн. – Это вы Энн Трейси?

– Это мисс Энн Трейси, – сказал Хьюитт, – и вряд ли надо...

Энн сделала попытку выйти. Мужчина протянул руку, чтобы задержать ее:

– Куда вы идете?

– Мне надо увидаться с отцом.

– Где он?

Тут в дело вступила еще одна рука – Фред Апдеграф ринулся на вошедшего и весьма неслабо пихнул его под ребра.

– Держитесь-ка повежливее, – грубовато сказал он. – Какое вам дело...

– Позвольте мне, – вмешался я. – Это инспектор Кремер

из отдела по расследованию убийств. – Я указал на другого человека, возникшего в дверном проеме. – И сержант Пэрли Стеббинс.

– Даже если так, – в голосе Хьюитта звучало недовольство, – вряд ли обязательно удерживать мисс Трейси силой. Она хочет всего лишь поговорить с отцом. Я Льюис Хьюитт, инспектор, могу я спросить вас...

– Где ваш отец?

– Он снаружи, за дверью, – ответил я.

– Иди с ней, Пэрли. Ладно, мисс Трейси. Потом возвращайтесь сюда, пожалуйста.

Пэрли вышел за Энн, чуть не наступая ей на пятки. В освободившемся дверном проеме появился У. Дж. Дилл. Его губы казались еще более тонкими, чем всегда. Ни на кого не глядя и ни слова не говоря, он пересек комнату и уселся на стул у противоположной стены.

– Привет, Вулф, – сказал Кремер.

– Здравствуйте, инспектор. – С недовольным хрюканьем Вулф поднялся и двинулся к выходу. – Пошли, Арчи. Мы будем только мешать.

– Нет, – многозначительно произнес Кремер.

– Нет? – переспросил Вулф. – Что – нет?

– Гудвин мне не помешает. Наоборот. По крайней мере, пока я не разберусь с ним.

– Он отвезет меня домой.

– Сейчас – нет.

– Могу я спросить, что все это значит? – Хьюитт все еще был недоволен. – Это преследование мисс Трейси... И эти ваши манеры...

– Без сомнения, можете, мистер Хьюитт. Присаживайтесь. – Кремер махнул рукой, указывая на стулья, которых здесь было предостаточно. – Все садитесь. Сейчас мы... А-а, мисс Трейси, вы нашли отца? Хорошо. Пэрли, подвинь стул для мисс Трейси. Садись, Гудвин.

Я сам придвинул стул для Энн и затем повернулся к инспектору:

– Нет, спасибо. Я нервничаю.

– Это ты-то? – прорычал Кремер. – В день, когда ты за-нервничаешь, я побреюсь столовым ножом. Откуда ты узнал, что этому человеку стреляли в голову, когда звонил мне?

Некоторые присутствующие издали какие-то звуки, но не Энн. Она только вскинула голову, и ноздри ее раздулись – вот и все. Я восхищался ею все больше.

– Стреляли! – воскликнул Хьюитт.

А Фред Апдеграф требовательно спросил:

– Что за человек?

– Гарри Гулд, – сказал я им и усмехнулся Кремеру. – Как видите, я не стал болтать. Приберег это для вас.

– Откуда ты знал?

– О господи! – произнес Хьюитт, привстал со стула и тут же опустился обратно.

– Тут много ума не надо, – ответил я. – Я посмотрел на

его лицо и увидел, что он мертв. Почувствовал запах пороха. Увидел дырку во мху возле его затылка, и мох там вспучился. Лежал он так, что мне не видна была его макушка, но я пощупал, и мой палец попал в отверстие. Кстати, не вздумайте строить версию на том, что на траве возле его коленей кровь. Это я вытер руку.

Энн судорожно сглотнула.

– Черт тебя побери! – сердито сказал Вулф. – Я мог бы и догадаться.

– Почему ты сразу пошел к нему? – строго спросил Кремер. – Ты перелез через веревки и бросился к нему. Почему ты это сделал?

– Потому что он не шевельнулся, когда мисс Трейси брызнула на него водой, и еще потому, что я уже прежде заметил, что его нога была неестественно вывернута.

– Почему ты это заметил?

– О! – воскликнул я. – Тут вы меня поймали. Сдаюсь. Попался-таки в ловушку. Почему вообще кто-то что-то замечает?

– Особенно такие нервные, как ты, – сказал Кремер с сарказмом. – Что ты тут делал? Зачем пришел сюда?

– Я привез мистера Вулфа.

– Он приехал по делу?

– Вы отлично знаете, что нет. Он никогда и никуда по делам не ездит. Он приехал посмотреть цветы.

– Почему вы оказались именно у этой экспозиции?

– По той же причине, что и все остальные. Посмотреть, как мисс Трейси болтает ногами в пруду.

– Ты знал мисс Трейси? Или Гулда?

– Нет.

– А вы, Вулф?

– Нет, – ответил он.

Кремер вновь занялся мной:

– Значит, ты почувствовал запах пороха, нашел дырку во мху и еще одну у него в голове. И каким же образом, потвоему, его застрелили? Лежа в кустах и целясь между камнями?

– Побойтесь Бога, инспектор! – усмехнулся я. – Если вы не будете осторожны, то снова поймаете меня. В тот момент мне было не до рассуждений, но теперь прошло больше часа, а вы знаете, на что способен мой мозг, когда включается в работу. Гулд ложился вздремнуть каждый день в одно и то же время, и голова его каждый раз находилась на одном и том же месте...

– Откуда ты знаешь?

– Мистер Вулф посылал меня сюда смотреть на орхидеи. Но это к делу не относится. Груда камней всего в восьми или девяти дюймах от головы Гулда. Укрепите оружие в щели между камнями на нужной высоте, нацельте куда надо и прикройте мхом. Камни и мох приглушат звук выстрела, и в большом шумном зале его никто не услышит. А если и услышит, что из того? Привяжите к спусковому крючку шнурок

– зеленый, чтоб не видно было в траве. И в нужное время – где-то между четырьмя и половиной пятого – дерните за шнурок.

– Как – дернуть? Откуда?

– О, на ваш выбор, – успокоил я его. – Можно спрятаться в кустах, дернуть, а потом выскользнуть в коридор через дверь позади экспозиции. Или, если шнур достаточно длинный, пропустите его под дверью, тогда можно дергать из коридора – еще безопаснее. Или, если хотите проявить фантазию, привяжите шнур к дверной ручке, тогда его дернет первый, кто откроет дверь со стороны коридора. А еще более экстравагантно – обмотать шнур вокруг куста, сделать на конце петлю и опустить этот конец в пруд, а потом снять туфли и чулки и зацепить его пальцами, болтая ногами в воде, и кто тогда догадается...

– Ложь!

Это выпалил Фред Апдеграф. Он стоял напротив меня, и его подбородок выглядел не просто большим, но прямо-таки угрожающим. Можно было подумать, что я гусеница, поедающая его лучший пион.

– Чепуха! – выпалил теперь уже У. Дж. Дилл, не вставая, правда, со стула.

– Мне кажется... – с сарказмом в голосе начал Льюис Хьюитт.

– Фу! – сказал я. – Тоже мне рыцари. Да я бы не тронул и волоска на ее голове. Неужели вы думаете, что инспектор в

это поверит? Я могу себе представить ход его мыслей.

– Можешь! – прорычал Кремер. – Так же, как и я – твоих. – Он прищурился на меня. – Мы обсудим это позже, когда я закончу с мисс Трейси. Оружие действительно было укреплено в камнях и прикрыто мхом, и к спусковому крючку был привязан шнур, и он был зеленый, так что ты и впрямь весьма догадливый...

– Какой длины шнур?

– Вполне достаточной. Что ты еще знаешь?

Я покачал головой:

– Если вы не можете построить умозаключения, исходя из логики...

– Что ты еще знаешь?

– На настоящий момент ничего.

– Ну посмотрим. – Кремер огляделся вокруг. – Найдется здесь комната, где я мог бы побеседовать с мисс Трейси?

Человек, писавший за столом, встал:

– Разумеется, инспектор. Там есть дверь...

– Кто вы?

– Джим Хоули, работаю на выставке. Не думаю, что там кто-то есть, но сейчас посмотрю...

Тут, однако, произошла заминка. Дверь, ведущая в приемную, отворилась, и к нам вошла целая делегация из четырех человек. Впереди – сыщик из отдела по расследованию убийств, за ним дама, следом мой приятель Пит с косящими глазами, замыкал шествие полицейский в форме. На да-

ме было серое пальто, под мышкой она держала голубую кожаную сумочку. Но я не стал обнаруживать наше старое знакомство и не заговорил с ней.

Глава 4

Кремер переключился на вошедших.

– Раскопали что-нибудь, Мерфи? – осведомился он.

– Да, сэр. – Сыщик распрямил плечи, демонстрируя военную выправку. – Примерно в половине пятого видели, как эта женщина открывала дверь из коридора к экспозиции Ракера и Дилла.

– Кто видел?

– Я, – вступил в разговор Пит.

– Ваше имя?

– Пит Аранго. Я работаю в «Питомниках Апдеграфа». Вот он, мой босс, мистер Апдеграф. Я вышел в коридор через дверь позади нашей экспозиции, чтобы взять печенье, и...

– Чтобы взять что?

– Печенье. Я всегда ем печенье. В моем шкафчике в коридоре.

– Хорошо. Вы едите печенье. И что же вы видели?

– Видел, как она открыла ту дверь, что ведет к экспозиции Ракера и Дилла. Потом, когда все это случилось, я вспомнил и сказал полицейскому.

– Она вошла туда?

Пит покачал головой:

– Она увидела меня и захлопнула дверь.

– Она что-нибудь сказала?

– Нет, а что ей было говорить?

– А вы?

– Нет, я прошел к своему шкафчику и взял печенье. А она, верно, ушла, потому что, когда я возвращался назад, ее уже не было. А потом, когда я увидел в зале...

Кремер повернулся к молодой женщине:

– Как вас зовут?

– Не ваше дело! – отрезала она.

– Да, сэр, – вставил полицейский сыщик, – она не желает сотрудничать.

– Что это вы хотите сказать? – Она была возмущена, но, на мой взгляд, не казалась испуганной. – Это правда, я открыла дверь из коридора и заглянула туда. Я попала туда по ошибке и искала выход. И зачем это я должна называть свое имя? Чтобы оно попало в газеты?

– А почему вы не вышли тем же путем, что вошли?

– Потому что я пришла с другой стороны и подумала... Эй, привет!

Все посмотрели в ту же сторону, что и она, в результате чего мы все увидели Фреда Апдеграфа. Встретившись с ней взглядом, он покраснел как рак.

– Ну, – произнес он.

Похоже, он считал, будто сказал нечто существенное.

– Это были вы, – сказала она. – Стояли там и заглядывали в дверь, когда слышали мои шаги.

– Конечно, – признался Фред. – Конечно, это был я.

– Дверь к Ракеру и Диллу? – жестко спросил Кремер.

– Да.

– Вы тоже искали выход?

– Нет.

– Тогда что вы там искали?

– Я... – Фред сглотнул. Он выглядел растерянным, лицо его пылало, но вдруг на нем отразилось облегчение. Неизвестно, какая мысль пришла ему в голову и так взбодрила его, но он стал говорить громко, словно хотел, чтобы никто, упаси бог, не пропустил его слова мимо ушей. – Я смотрел на мисс Трейси. Я занимался этим всю неделю. Меня зовут Фред Апдеграф, и я участник выставки. Я смотрел на мисс Трейси. – Его слова звучали как гимн.

Однако на Кремера это не произвело впечатления.

– Мы поговорим позже, мистер Апдеграф. – Он повернулся к сержанту. – Пэрли, оставайся здесь с мистером Апдеграфом, Гудвином, этой молодой особой и Питом. Мерфи, пошли со мной и мисс Трейси. Остальные, если хотят, могут уйти.

– Минуту... – Хьюитт сделал шаг вперед. – Я Льюис Хьюитт.

– Я уже понял, – буркнул Кремер.

– Я почетный председатель комитета и отвечаю за все происходящее. Ни в коей мере не желая вмешиваться в ваши служебные обязанности, я все же считаю, что мисс Трейси, которая еще очень молода, должна быть ограждена от из-

лишнего беспокойства и неприятностей.

– Позвольте мне, Хьюитт. – У. Дж. Дилл поднялся и шагнул вперед, встав прямо перед Кремером. – Я работодатель мисс Трейси. И полагаю, должен оберегать ее. Если не возражаете, я пойду с вами.

Я пристально следил за Энн, зная по опыту, что истинный характер женщины лучше всего раскрывается в стрессовой ситуации. Мне казалось, Энн в полном порядке. После четырех дней на публике в качестве звезды выставки цветов, после позирования для фотографии с Билли Роузом и обеда с Льюисом Хьюиттом, она, оказавшись замешанной в расследование убийства, угодила прямо в зловонное болото, подвергаясь риску быть забрызганной грязью с головы до ног. Однако до сих пор она не сделала ничего, что поколебало бы мое уважение к ней, даже когда я объяснял, как можно нажать на спусковой крючок пальцами ног. Но сейчас она смотрелась так себе. Она вполне могла бы сказать что-нибудь подходящее в том смысле, что защищена броней своей невиновности и не нуждается в покровительстве своего зануды-работодателя или помешанного на орхидеях миллионера. Но она невозмутимо смотрела на У. Дж. Дилла, не открывая рта. Я начал подозревать, что либо не сумел проникнуть в тайные глубины ее души, либо ум ее несколько ограничен, но не поймите меня превратно – я все еще был предан ей. Даже с этим каменным лицом она была прекрасна. А за пищей для ума я могу сходить и в библиотеку.

Кремер заверил Хьюитта и Дилла, что нет никакой надобности защищать Энн, и уже направился с ней и Мерфи к двери, когда произошла новая заминка.

– Мистер Кремер! С вашего позволения... – Это был голос Вулфа.

Я скрыл улыбку. Разумеется, он будет просить или требовать, смотря по тому, что сочтет более действенным, чтобы мне разрешили отвезти его домой. Я надеялся, что Кремер согласится. И когда мы сядем в наш седан и Вулф начнет буйствовать, я не буду вмешиваться, пока он не закончит, а потом воткну ему под ребро припасенный мною маленький кинжал и еще поверну его раз-другой. Не каждый день выпадает такой шанс.

Кремер обернулся:

– Чего вы хотите?

– Я бы хотел, – сказал Вулф, – закончить нашу с мистером Хьюиттом дискуссию об орхидеях.

– Ну и на здоровье.

– Но не в этом зверинце. А в приемлемом уединенном месте. Мы могли бы найти где-нибудь свободную комнату.

– На здоровье. Я же сказал, что все остальные свободны.

– И мистер Гудвин должен присутствовать, чтобы делать записи. Он придет, как только понадобится вам. Вы не можете задерживать его без соответствующих документов...

Кремер раздраженно фыркнул:

– Ради бога, обсуждайте свои орхидеи! Мне нужно только,

чтобы Гудвин появился, когда он понадобится.

Он и двое его спутников переступили порог, и дверь за ними закрылась. Я смотрел на Вулфа, и, не думая скрывать свою злость, Пэрли Стеббинс тоже уставился на него с подозрением. Но мы не произвели на него никакого впечатления. Вулф встал со стула, о чем-то беседуя вполголоса с Льюисом Хьюиттом. Тот, нахмурившись, кивнул без энтузиазма и направился к двери, а Вулф последовал за ним.

– Идем, Арчи, – сказал он.

Пэрли попытался меня задержать:

– Куда это вы?

– С другой стороны приемной есть комната, – ответил Хьюитт.

Пэрли это определенно не понравилось. Он даже не улыбнулся, когда я, проходя в дверь, в шутку ткнул его пальцем под ребро.

Комната, куда мы пришли, оказалась небольшой каморкой с одним окном. В ней только и было что два маленьких столика да четыре деревянных стула. Печальная женщина из приемной включила нам свет и удалилась. Вулф с сомнением взглянул на хрупкий стул и перевел взгляд на меня, но я сделал вид, будто не заметил, потому что вовсе не собирался хлопотать, устраивая ему сиденье поудобнее. Вулф поджал губы и сел, стараясь, чтобы стул пришелся по центру его зада.

– Присаживайтесь, мистер Хьюитт, – пригласил он.

Хьюитт продолжал стоять.

– Что за дурацкий спектакль? – Он посмотрел на меня, потом на Вулфа. – О чем это столь секретном вы можете мне сообщить?

– Есть о чем, – сухо произнес Вулф, – уверяю вас.

– Об орхидеях? Это едва ли сейчас повод...

– Не орхидеи. Убийство. Я знаю, кто застрелил этого человека.

Хьюитт вытаращил глаза:

– Вы знаете, кто его застрелил?

– Да.

– Но мой дорогой мистер Вулф... – Хьюитт был недоволен, но говорил вежливо. – Вряд ли следует обсуждать это со мной. Вам надо обратиться в соответствующие органы...

– Я предпочитаю сначала переговорить с вами. И предлагаю говорить как можно тише. Весьма вероятно, что полицейский подслушивает у двери.

– Вздор! Эта мелодрама...

– Прошу вас, мистер Хьюитт! Не стоит глумиться, это всего лишь точка зрения, а не мелодрама. Я хочу предложить вам новую точку зрения на смерть Гарри Гулда. Выстрел произвел мой помощник мистер Гудвин... Пожалуйста, позвольте мне закончить. Прежде всего установим факты. Арчи?

Я сел. Мой маленький кинжал... Этот толстый бездельник обезоружил меня. Я только сказал с досадой:

– Ну а если я вас подведу?

– Не подведешь. В любом случае не сможешь. Я видел обрывок шнура, который ты выбросил. Должен заметить, что свой спектакль ты разыграл приемлемо. Весьма приемлемо во всех отношениях. Мне недостает единственной детали. Был ли рывок, когда ты ее поднимал?

– Что за чертовщина здесь происходит?! – спросил Хьюитт, уже не стараясь быть вежливым. – Вы что, в самом деле?..

– Прошу вас, мистер Хьюитт, не кричите так. Я изложу ситуацию предельно кратко. Должен ли я сообщить мистеру Кремеру...

– Да, рывок был, – ответил я. – Но очень слабый. Я почти не ощутил его, потому что был зол как черт.

– Я знал, что ты злишься, – кивнул Вулф. – Я доложил бы мистеру Кремеру следующее: Льюис Хьюитт сказал, что потерял трость. Чуть позже в коридоре на третьем этаже мы обнаружили эту трость. Она лежала на полу, рукояткой к щели под той дверью, которая ведет к экспозиции Ракера и Дилла. Это было в четыре часа двадцать минут. Мистер Гудвин поднял трость и ощутил при этом рывок. Он назвал его слабым, но мистер Гудвин исключительно силен и к тому же находился в крайне возбужденном состоянии. К рукояти трости был привязан кусок зеленого шнура, который мистер Гудвин сбросил, прежде чем передать трость владельцу.

– Я не заметил никакого шнура, – огрызнулся Хьюитт.

– Возможно, – допустил Вулф. – Люди, получившие свое состояние по наследству, редко берут на себя труд замечать что-либо. Но шнур видел мистер Гудвин, его видел я, и мистер Гудвин ощутил рывок. В тот момент, несомненно, и произошел выстрел, а шнурок порвался. Вот что я доложил бы мистеру Кремеру, ибо таковы факты.

– Говорю вам, что не видел никакого шнура!

– Но мы-то видели. Не кричите, мистер Хьюитт. Мистер Гудвин даже трогал его. Не думаете же вы, что мы все это сочинили?

– Да нет. – Хьюитт взглянул на дверь, на меня, потом снова на Вулфа. – Нет, я не подозреваю вас. Но это непостижимо... – Он вдруг замер. – Что это?

– Обрывок шнура, – сказал Вулф.

Этот сукин сын вытащил его из кармана жилета. Я встал, чтобы посмотреть. Это был тот самый шнур.

– Ну и дела, – сказал я и сел.

Хьюитт тоже сел. Очевидно, он размышлял, что бы ему предпринять.

– Вы, мистер Дилл и мистер Гудвин, – начал Вулф, – оставили меня там. Бросили меня одного. Арчи поставил горшки с растениями на полу – кстати, у меня есть *C. hassellii* и лучше, много лучше, я сам вырастил их. В какой-то момент я стал рассуждать, что, учитывая ситуацию, весьма примечательно. Не могу утверждать, что предвидел абсолютно все, но кое-какие соображения заставили меня отправиться в ко-

ридор, найти там этот кусок шнура и забрать его. Это, вне всякого сомнения, тот самый шнурок, что был привязан к вашей трости. Сравнив ее со шнуром, привязанным к спусковому крючку, мистер Кремер легко превратит наши догадки в несомненный факт. Точнее, он сможет сделать это, если я предоставлю ему такую возможность. Вы полагаете, я должен так и поступить?

– О господи! – пробормотал Хьюитт. – Моя трость. Боже, да вы отдаете себе отчет – моя трость!

– Совершенно верно, – согласился Вулф. – Не говорите так громко. Я отдаю себе отчет. Тот, кто устроил это, сделал петлю на конце шнура и пропустил его под дверь. Возможно, только потом, когда он увидел вашу трость там, где вы оставили ее, ему пришла в голову спонтанная идея: надеть петлю на рукоять трости в расчете на то, что первый же, кто пройдет по коридору, ее подберет. Если бы в коридоре никого не оказалось до половины пятого, он сделал бы это сам. Я представляю, какая это история для газет. Не думаю, чтобы вас официально заподозрили в том, что все это устроили вы, но публика, по крайней мере часть ее, еще даже менее деликатна, чем мистер Кремер.

– О господи! – простонал Хьюитт. – Это же... – Он сжимал и разжимал пальцы. – Это ужасно!

– Ну, я бы не сказал «ужасно». Неприятно.

– Нет, ужасно. Для меня. Для Хьюитта. Ужасно!

– Ну разве что для Хьюитта, – уступил Вулф. – Тем боль-

ше у вас причин заинтересоваться моим предложением. Я хочу эти орхидеи. Все три.

Ситуация радикально изменилась, и это сразу же отразилось на лице Хьюитта. Прежде она была угрожающей лишь для его спокойствия и репутации, ну в крайнем случае для его свободы и жизни. Теперь же угроза нависла над его собственностью. И это легло тяжелым камнем ему на сердце и свело ему челюсть. Он сверлил Вулфа взглядом.

– Ясно, – прошипел он. – Вот, значит, как. Короче говоря, шантаж. Шантаж! Нет! На это я не пойду!

– Не пойдете? – вздохнул Вулф.

– Нет!

– Очень хорошо. Я не получу орхидей, зато буду избавлен от беспокойства. Арчи, позови мистера Кремера. Передай ему, что дело важное. Я не желаю сидеть на этой проклятой доильной табуретке ни одной лишней минуты.

Я поднялся и не торопясь направился к двери. Я знал, что дело в шляпе, потому что Хьюитт промолчал. Теперь это была просто война нервов.

– Шантаж, – произнес Хьюитт сквозь зубы.

– Иди, Арчи, – сказал Вулф.

Я взялся за ручку двери.

– Подождите минутку, – не выдержал Хьюитт.

Я повернул голову, но дверную ручку не выпустил.

– Одну, – предложил Хьюитт. – Выбирайте любую.

Я вернулся и сел. Вулф вздохнул и покачал головой:

– Все три. Я не стану торговаться. Я собираюсь их честно заработать. Можете называть это шантажом, если так вам легче смириться с ситуацией. Но войдите в мое положение. Возможно, что как раз доказательство, которое я скрываю, для мистера Кремера стало бы решающим. И я вовсе не собираюсь становиться укрывателем убийцы. Если я помешаю розыску, то должен буду найти убийцу сам и, более того, отыскать достаточно улик, чтобы обвинить его, не прибегая к этому доказательству. Если мне это не удастся, я вынужден буду во всем признаться Кремеру, что было бы прискорбно, а также вернуть вам растения, что немыслимо. Так что я не имею права потерпеть неудачу.

– Две, – сказал Хьюитт. – Две, и они будут доставлены вам, когда вы выполните принятое обязательство.

Он, может, и получил свою собственность по наследству, но знал, как ее удержать.

– Нет, – возразил Вулф. – Все три, и я возьму их с собой сейчас. Вы мне доверять можете, а я вам – нет. Ведь если окажется, что вы сами убили его и я уличу вас в этом, то я никогда не получу их.

– Вы же не хотите сказать... – Хьюитт вытаращил глаза. – Вы имеете наглость... вы осмелились предположить...

– Ничуть. Я ничего не предполагаю. Я рассматриваю все возможные обстоятельства и был бы дураком, если бы не делал этого. – Вулф оперся на край стола и с облегчением отодрал себя от хлипкой доильной табуретки. – Я еду домой,

там хотя бы есть кресло, пригодное для сидения, и приступаю к работе. Пожалуйста, проводите мистера Гудвина наверх и отдайте ему растения: я забираю их с собой.

Глава 5

Разумеется, у меня был припрятан туз в рукаве. Вулф забрал припасенный мной кинжал и прокрутил его в ребрах Хьюитта вместо своих, но у меня все еще имелась козырная карта.

Возможность пустить ее в игру появилась, когда мы вернулись в комнату, где сидели до этого, и Вулф пригласил всех присутствующих на ланч. На самом деле пригласил, во всяком случае Дилла и Апдеграфа. Я слышал собственными ушами. Вероятно, он собирался весь вечер размышлять над этим случаем, чтобы во время ланча объявить результат. Хьюитт отказался от моего предложения помочь ему транспортировать орхидеи вниз. Мне показалось, что я перестал ему нравиться. Покончив с церемонией приглашения, Вулф преспокойно, без стука, отворил дверь, за которой были Кремер и Энн, и исчез за ней.

Я подошел к Пэрли Стеббинсу, устроившемуся на стуле возле двери в приемную, и ободряюще ухмыльнулся ему. Он всегда чувствовал себя неуютно со мной или с Вулфом, а уж с нами обоими одновременно и вовсе был на грани нервного срыва. Скользнув по мне взглядом, он что-то прорычал.

– Гляди-ка, Пэрли, – сердечно сказал я. – Тут есть кого взять на заметку. Вон ту даму.

Она сидела в дальнем углу, все еще держа на коленях

пальто, и с голубой сумочкой под мышкой.

– Она притворщица. Она китайская шпионка. Как и я. Мы засланы сюда Ху Флун Дуном. Если не веришь, послушай наш зашифрованный разговор.

– Иди к черту! – предложил мне Пэрли.

– Не веришь? Ну так смотри. – Я продефилировал через комнату и остановился перед девушкой так, чтобы Пэрли не мог видеть ее лица. – Привет, подруга, – произнес я не слишком громко.

– У вас нервы разыгрались, – сказала она. – Отстаньте от меня!

– Нервы? У меня?

– Отстаньте. Подруга! Я никогда вас прежде не видела.

– Ага! – Я улыбнулся ей. – Никогда в жизни. Если я скажу им, что видел вас около половины четвертого в коридоре, где вы кого-то ждали, они мне поверят, даже не сомневайтесь. А вам придется начинать сначала сказочку про то, как вы в половине четвертого забрели в коридор по ошибке и искали выход. Соображайте быстрее и не говорите мне, чтобы я от вас отстал, иначе мы больше не увидимся. Следите за своим лицом и говорите на полтона ниже.

Ее пальцы под пальто судорожно сжались.

– Чего вам от меня надо?

– Хочу узнать вас получше. Через минуту я должен уехать, чтобы отвезти домой моего босса, но скоро вернусь для маленького разговора с инспектором. Затем я отправлюсь

смотреть кинохронику в Гранд-Сентрал, а вы будете ждать меня там в последнем ряду. Идет?

– Да.

– Точно?

– Да.

– Так будет лучше для вас. Если придете, то я соглашусь, что вы никогда не видели меня раньше. Когда вы тут закончите со своими сказочками и уйдете, за вами может быть хвост. Не пытайтесь его стряхнуть. Мы позаботимся об этом, когда будем выходить из кино. Все понятно?

– Да.

– Годится. Положитесь на меня, и вы будете прикалывать к платюю черные орхидеи.

Я направился было обратно к Пэрли, чтобы рассеять подозрения, если они у него возникли, но тут отворилась дверь и вплыл Вулф, а Кремер застыл на пороге и объявил:

– Пэрли! Гудвин отвезет Вулфа домой и вернется через полчаса.

– Ага, – без всякого почтения произнес Пэрли.

– Идем, Арчи, – сказал Вулф.

Мы подождали в приемной, пока через несколько минут не появился Льюис Хьюитт, а за ним охранник, держа на вытянутых руках стеклянный контейнер с орхидеями. Передача мне ящика прошла без особых церемоний, Вулф заглянул в него с торжествующим видом, и мы удалились. Мы добрались до места, где я припарковал наш седан, Вулф водворил-

ся на заднее сиденье – это, между прочим, довольно серьезная операция, – и я поставил контейнер у него в ногах. Через десять минут мы остановились у нашего старого особняка на Тридцать пятой улице, вблизи реки. Вдох, который испустил Вулф, когда поместил свои габариты в изготовленное по специальному заказу кресло, по глубине и продолжительности мог бы побить все прежние рекорды.

– Тебе лучше сейчас же вернуться, – сказал он. – Сожалею и возмущен, но я дал слово мистеру Кремеру. Теодор позаботится о растениях. Если сможешь, приезжай к обеду. У нас будут колбаски минюи. – Он прямо-таки источал мед.

– Я не давал Кремеру слова, – возразил я.

– Нет. – Он погрозил мне пальцем. – Арчи, никаких выкрутасов!

– Посмотрим. Мне нужно освежиться.

Я пошел на кухню и умял две пачки крекеров с молоком, болтая с Фрицем и вдыхая запах колбасок, которые тот готовил. Поедать крекеры с молоком и при этом обонять аромат колбасок минюи – все равно что обнимать в кинотеатре провинциальную девчонку, глядя, как на экране зажигает Хеди Ламарр. Я попросил Фрица оставить мне немножко, если я задержусь, и уехал.

Когда я пришел в просторное помещение офиса выставки на втором этаже Гранд-Сентрал-Палас, было семь пятнадцать. Там присутствовало не меньше десяти человек, в основном мне незнакомых, но среди них – У. Дж. Дилл и

Льюис Хьюитт. Ни Апдеграфа, ни Энн Трейси, ни моей подруги, которой я назначил свидание, я нигде не заметил. Ее отсутствие меня встревожило, но совсем уж разволноваться я не успел, потому что через пару минут дверь во внутреннюю комнату открылась, оттуда вышел Пит Аранго и Пэрли сделал мне знак заходить. Кремер, уже до половины изжевав свою незажженную сигару, сидел там в обществе Мерфи с блокнотом и еще какого-то незнакомого сыщика, и вид у него был отнюдь не праздничный.

– Итак, – беспечно начал я, усаживаясь, – чем я могу вам помочь?

– Тебе бы в цирке выступать, – сказал Кремер. – О господи, ты будешь паясничать и на собственных похоронах! Для чего ты торчал здесь всю неделю?

Ответив на целую серию «что?» «почему?» и «когда?», я дал Мерфи возможность заполнить четыре страницы блокнота, как обычно, расточая свое остроумие на отдел по расследованию убийств. На самом деле остроумие недотягивало до моего обычного уровня, потому что я хотел поскорее освободиться и бежать на свое свидание. Оказалось, что моя подруга уже отстрелялась и была отправлена восвояси. Поэтому я старался давать краткие и точные ответы, и мы уже близились к завершению разговора, когда вдруг дверь открылась и на пороге появился низкорослый сыщик с приплюснутым носом.

Кремер посмотрел на него и требовательно спросил:

– Какого черта ты вернулся?

Сыщик открыл было рот, но тут же закрыл. Ему явно не хотелось выкладывать, по какой причине он вернулся. Со второй попытки, однако, он ответил:

– Я потерял ее.

Кремер застонал и, казалось, утратил дар речи.

– Я тут не виноват, – стал оправдываться сыщик. – Клянусь, инспектор! Проклятое метро. Подъехал локальный⁸ поезд, она отошла от него, будто ждет экспресс, а в последнюю минуту вскочила в вагон...

– Ладно, хватит, – сказал Кремер. – Придержи язык. Боже... Меня удивляет, что... Хотя это не важно. Ее имя и адрес?

Мерфи перелистал назад несколько страниц в своем блокноте:

– Руби Лоусон. Салливан-стрит, сто четырнадцать.

Низкорослый сыщик вынул свою записную книжку и все записал.

– Вряд ли она это нарочно, – сказал он. – По-моему, она просто передумала в последнюю минуту. Я думаю, она...

– Ты думаешь? Ты сказал – ты думаешь?

– Да, инспектор, я...

– Иди отсюда. Возьми с собой кого-нибудь, возьми Дорси,

⁸ Большинство маршрутов Нью-Йоркского метрополитена делятся на экспресс-маршруты (останавливающиеся только на некоторых станциях) и локальные (со всеми остановками).

отправляйтесь по этому адресу и разыщите ее. Задерживать не надо, просто следите за ней. И ради бога, не думай! Сама мысль о том, что ты это делаешь, вызывает у меня отвращение.

Мыслитель убрался. Мне, понятно, тоже не терпелось уйти, а потому я с удобством откинулся на спинку стула, положил ногу на ногу и начал:

– Знаете, когда я слежу за кем-то и он спускается в метро, я обычно действую следующим обра...

– Можешь идти, – отрезал Кремер. – Ступай вон! Если, избави боже, ты понадобишься, я знаю, где тебя найти.

– Но я думаю...

– Я сказал, вон!

Я неспешно поднялся и неспешно же двинулся к выходу, а по пути даже остановился, чтобы по-дружески перекинуться парой слов с Пэрли. Но, оказавшись на лестнице, я прибавил шагу. Было сто против одного, что она меня надует, но я все равно помчался на Лексингтон-авеню к входу в Гранд-Сентрал, опустил монету и вошел в зал, где показывали хронику. В последнем ряду ее не оказалось, и я не стал тратить время, осматривая другие ряды. Раз она назвала Кремеру вымышленные адрес и имя, да еще догадалась придумать такое, чтобы оно совпадало с монограммой «РЛ» у нее на сумочке, можно было предположить, что она не станет дожидаться, когда рак на горе свистнет. В освещенном коридоре я быстро проглядел свою записную книжку, рассмотрел идею вос-

пользоваться метро, но отшел от нее и помчался на Сорок шестую улицу, где оставил машину.

Мое высокомерное отношение к метро чуть не сыграло со мной злую шутку, потому что в этот час центр в районе Парк-авеню совершенно забит. Но ближе к окраинам я мог ехать в свое удовольствие.

Кирпичный фасад дома номер 326 по Морроу-стрит в южном конце Гринвич-Виллидж не красили, судя по всему, уже много лет. У входа в подъезд на черных металлических кронштейнах висели два фонаря, но горел только один. Я припарковался на другой стороне улицы и поднялся по ступенькам. В вестибюле я увидел обычный ряд почтовых ящиков и кнопки звонков и под одним из них – карточку с надписью «Лэшер». Все сошлось, но вот что было занятно: на той же карточке, повыше «Лэшер», была напечатана еще одна фамилия – Гулд. Я, наклонившись, разглядывал ее, как вдруг отворилась дверь и в вестибюль вышла та, что и была мне нужна.

Стало ясно, что мое высокомерное отношение к метро действительно едва не сыграло со мной злую шутку: девушка держала в одной руке дорожную сумку, а другой рукой, которой только что открыла дверь, уже собралась поднять с пола чемодан.

– Разрешите мне, – сказал я, – на вид он тяжелый.

Она бросила на меня испуганный взгляд, уронила чемодан и, присев на него, разревелась. Она даже не стала закры-

вать лицо руками – ее как будто прорвало.

Я подождал с минуту, пока она успокоится.

– Послушайте, – сказал я наконец, – вы загораживаете проход – вдруг кто-то захочет войти или выйти. Давайте возьмем эти вещи...

– Вы грязный... – Рыдания мешали ей говорить. – Вы паршивый...

– Нет, – твердо возразил я. – Нет, сестренка. Это вы меня надули. Даже унизили. – Я поднял сумку, которую она тоже уронила. – Идем.

– Он мертв, – сказала она, не заботясь о таких пустяках, как слезы. – Он мертв, не так ли? Есть хоть у кого-нибудь сердце? И мне пришлось сидеть там... сидеть и изображать... – Она замолчала, прикусив губу, потом вскочила, сверкая на меня глазами. – Кто вы вообще такой? Откуда вы знаете, кто я? Как вы нашли меня так быстро? Вы сыщик, вот вы кто, паршивый сыщик...

– Нет. – Я схватил ее за руку. – Если вы имеете в виду полицию, то нет. Меня зовут Арчи Гудвин, и я работаю на Ниро Вулфа. Моя машина на улице, и я отвезу вас к Вулфу для небольшого разговора. У него самое большое сердце в мире, помещенное в тонну жира.

Конечно, она упиралась. И даже пригрозила позвать копа, а потом снова начала плакать, и, пока она лила слезы, я взял чемодан и сумку, вывел ее на улицу и усадил в машину. Она проплакала всю дорогу до Тридцать пятой улицы, и мне

пришлось одолжить ей носовой платок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.